

Книги
ВИКРАМА СЕТА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ДОСТОЙНЫЙ ЖЕНИХ
(в двух книгах)

ЛИШЬ ОДНА МУЗЫКА

ВИКРАМ СЕТ

Лишь одна музыка

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)+84(5Инд)-44
С 33

Vikram Seth
AN EQUAL MUSIC
Copyright © 1999 by Vikram Seth
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Кравченко

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-25442-8

© О. С. Кравченко, перевод, послесловие, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Сей труд бы, верно, начат не был,
Пойди все чуть другим путем,
А мы б тогда, под серым небом,
Стоять не стали под дождем.
Итак, твое мне здесь даренье —
Бумага, ручка, вдохновенье,
Октавы, легкое туше,
Фонтаны слов и мир душе.
И как же вышло все так ловко?
Лишь случай? Не был озарен
Идеей вдруг я; Аполлон
Писать не дал мне под диктовку.
Пускай! Но то, чем тлел наш дух,
Уйдя в слова, вернулось вслух¹.

---

¹ Перевод Антона Гопко.

И в те врата войдут они, и в том доме будут жить они, где нет ни облаков, ни солнца, ни тьмы, ни сияния, лишь один безраздельный свет; ни шума, ни тишины, лишь одна безраздельная музыка; ни страхов, ни надежд, лишь одно безраздельное спокойствие; ни врагов, ни друзей, лишь одно безраздельное исповедание и сущность; ни конца, ни начала, лишь одна безраздельная вечность.

*Джон Донн*¹

---

¹ *Джон Донн* (1572–1631) — крупнейший английский поэт-метафизик, религиозный проповедник, настоятель лондонского собора Святого Павла. Эпиграф взят из проповеди, произнесенной в Уайтхолле 29 февраля 1628 г. Перевод Е. Калявиной.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1.1

Ветки голы, вечернее небо — молочно-фиолетово. Здесь не тихо, но спокойно. Ветер гонит рябь по черной воде в мою сторону.

Вокруг никого. Птицы замерли. Дорога разрезает Гайд-парк насквозь. Я слышу только ее белый шум.

Я пробую скамейку рукой, но не сажусь. Как вчера, как позавчера, я жду, пока в голове не останется ни одной мысли. Я смотрю на воду Серпентайна.

* * *

Вчера, на обратном пути через парк, я остановился на развилке. Мне показалось, что кто-то остановился у меня за спиной. Я пошел дальше. Шаги по гравию последовали за мной. Шаги не спешили; казалось, мы идем в одном ритме. Потом, вдруг что-то решив, они ускорились. Меня обогнал мужчина в толстом черном пальто, довольно высокий, моего роста, молодой, судя по осанке и походке. Лица его я не видел. Он явно торопился. Вскоре, не желая сразу выходить на яркие огни Бейсуотер-роуд, я опять остановился, на сей раз возле дорожки для верховой езды. Понесся приглушенный стук копыт. Однако этот звук ни во что не воплотился. Я посмотрел налево, направо — никого.

* * *

Приближаясь к моему дому Архангел-Корт, я чувствую, что за мной следят. Вхожу в холл, там — цветы, композиция из гербер и каких-то листьев. И камера наблюдает.

ния. Здание, за которым следят, — безопасное, безопасное здание — счастливое.

Несколько дней назад молодая женщина за прилавком в булочной «У Этьена» сказала мне, что я счастливый человек. Я заказал семь круассанов. И она, давая мне сдачу, сказала:

— Счастливый вы человек.

Я уставился на нее с таким недоверием, что она опустила глаза.

— Вы все время напеваете, — сказала она гораздо тише, наверное почувствовав необходимость пояснить.

— Работа у меня такая, — сказал я, устыдившись своей реакцией. Появился следующий покупатель, и я вышел.

Кладя круассаны — все, кроме одного, — в морозилку, я заметил, что напеваю все тот же почти лишенный мелодии мотив одной из последних песен Шуберта:

Пред ним человек, и плачет он, бедный,
Ломает руки в страданье немом.
Мне страшно взглянуть на лик тот бледный,
Ведь те же муки во мне самом¹.

Я ставлю воду для кофе и смотрю в окно. С восьмого этажа вид простирается до собора Святого Павла, до Кройдона и Хайгейта. Сквозь коричневые ветки парка я смотрю на шпили, башни, трубы. Мне неуютно в Лондоне — даже с такой высоты городу нет конца.

Но Лондон — не Вена. И не Венеция. И уж тем более совсем не мой родной город на севере, окруженный вересковыми пустошами.

* * *

Песня, которую я напевал, однако, совсем не связана с моей работой. Шуберта я не играл уже больше месяца. Моя скрипка скучает по нему даже больше, чем я. Настра-

---

¹ «Двойник» из вокального цикла Ф. Шуберта «Лебединая песня», слова Г. Гейне. Перевод И. Тюменева.

иваю ее, и мы входим в звукоизолированную комнату. Ни звук, ни свет не проникают извне. Остаются только мои ощущения от бега электронов внутри металла, от трения конского волоса, натянутого на акрил.

Я не стану играть то, что мы исполняем квинтетом, то, что напоминает мое недавнее музицирование с другими человеческими существами. Я буду играть шубертовские песни.

Скрипка Тонони будто мурлычет, предвкушая. Что-нибудь счастливое, конечно что-нибудь счастливое:

Лучи так ярко грели, вода ясна, тепла...
Причудницы форели в ней мчатся, как стрела¹.

Я играю эту строчку, форель выпрыгивает из воды и ныряет вслед за правой рукой фортепианного аккомпанемента, я — форель, я — рыболов, я — ручей, я — зритель. Я пою слова, прижатый к деке подбородок подпрыгивает. Тонони не возражает; он отвечает мне. Я играю в тональностях си, ля, ми-бемоль мажор. Шуберт не возражает. Я ведь не квинтеты транспонирую.

Где фортепианная нота слишком низка для скрипки, она прыгает на октаву вверх. Так мелодия песни оказывается на октаву выше, чем написано. Ах, мне бы сейчас альт... но я очень давно не играл на альте.

Последний раз — десять лет назад, когда был студентом в Вене. Я возвращаюсь в то время снова и снова и думаю: не было ли все ошибкой? Был ли я просто слеп? И кому больнее: мне тогдашнему или мне теперешнему? Я ведь никогда не смог даже приблизиться к тому, что там потерял.

Что произошло тогда со мной? Любовь или не любовь, но я не мог оставаться в том городе. Я потерял равновесие,

---

¹ Ф. Шуберт, песня «Форель», слова К. Ф. Д. Шубарта. Перевод В. Костомарова.

мое сознание помутилось, я чувствовал давление при каждом вздохе. Сказал ей, что уезжаю, и уехал. Два месяца я ничего не мог делать, даже написать ей. Я приехал в Лондон. Смог рассеялся, но слишком поздно. Где ты теперь, Джулия? Прощен ли я?

1.2

Виржини не занимается и все же настаивает на уроках. У меня есть студенты и похуже, еще более бесцеремонные, но ни один не бесит меня настолько.

Я иду через парк к ее квартире. В ней перетоплено и слишком много розового. Раньше меня это не беспокоило. Теперь, когда я вхожу в ванную комнату, меня передергивает.

Розовая ванна, розовая раковина, розовый унитаз, розовое биде, розовая плитка, розовые обои, розовый ковер. Расчески, мыло, зубная щетка, цветы из шелка, туалетная бумага — все розовое. Даже мусорная корзинка с педалью — бледно-розовая. Я хорошо знаю ее, эту маленькую корзинку. Каждый раз, когда я здесь сплю, удивляюсь, что же я делаю с моим временем и со временем Виржини. Она на шестнадцать лет моложе меня. Она не та женщина, с кем я хочу провести всю жизнь. Но то, что у нас есть, однажды начавшись, продолжается. Она этого хочет, а я иду на поводу, наверное из-за похоти и одиночества; и лени, и нежелания ничего менять.

Наши уроки четко отделены от всего остального. Сегодня мы разбираем ми-мажорную партитуру Баха. Я прошу сыграть до конца, но останавливаю ее после Гавота.

— Не хочешь узнать, чем все кончается? — игриво спрашивает она.

— Ты почти не занималась.

Она изображает виноватый вид.

— Начни с начала, — предлагаю я.

— Гавота?

— Прелюда.

— Ты имеешь в виду с семнадцатого такта? Знаю, знаю, я всегда должна использовать кисть для струны ми.

— Я имею в виду с первого такта.

Виржини выглядит обиженно. Она кладет смычок на бледно-розовую шелковую подушку.

— Виржини, ты все можешь, ты просто этого не делаешь.

— Чего не делаю?

— Не думаешь о музыке. Спой первую фразу, просто спой ее.

Она берет смычок.

— Я имею в виду — голосом.

Виржини вздыхает. Она поет чисто и точно:

— Ми-ре-ми си соль си ми-фа-ми-ре-ми...

— Ты не могла бы петь без этих бессмысленных слогов?

— Меня так учили. — Ее глаза сверкают.

Виржини из Ниона¹, про который я знаю только то, что это где-то рядом с Авиньоном. Дважды она предлагала мне поехать туда с ней, потом перестала предлагать.

— Виржини, это ведь не просто одна дурацкая нота после другой — вторые ми-ре-ми должны напоминать первые. Вот так. — Я беру скрипку и показываю. — Или так. Или в каком-то твоём собственном прочтении.

Она играет это снова, и играет хорошо. И продолжает. Я закрываю глаза. Запах ароматической смеси в громадной вазе неприятно въедлив. Темнеет. Скоро зима. Как Виржини молода, как мало она работает. Ей всего двадцать один. Мои мысли переходят в другой город, к памяти о другой женщине, которой тогда было столько же лет.

---

¹ *Нион* (вар.: Ньон, Ньонс; *фр.* Nyons) — древний город в Провансе, побратим одноименного швейцарского города.

— Мне продолжать?

— Да.

Я прошу Виржини держать кисть свободно, следить за интонацией здесь, помнить о динамике там, играть детали ровно... Но она все это знает. Через неделю будет какой-то прогресс, но очень небольшой. Она талантлива, но почти не работает. Учится на очном отделении, однако музыка — лишь одно из многих ее занятий. Она беспокоится о студенческом конкурсе, на котором должна исполнять эту партиту. Она думает, не продать ли ей скрипку Мирмона¹ и не призвать ли отца, обеспечивающего ее совсем не студенческий образ жизни, купить ей что-то более раннее и итальянское. У нее большой круг знакомств здесь, разветвленный клан родственников и масса друзей по всей Франции, которые приезжают к ней в разные времена года, и три бывших бойфренда, с которыми она в хороших отношениях. Мы с ней вместе уже больше года.

Я помню ту, другую женщину, самой себе играющую Баха: английскую сюиту. Глаза ее закрыты. Пальцы легко бегут по клавишам. Может, я тогда слишком резко повернулся. Любимые глаза обратились ко мне. А здесь так много людей — занятых, озабоченных. Я так хочу верить, что она дышит, что она по-прежнему где-то есть на этом земном шаре.

---

¹ *Клод Огюстен Мирмон* (1827–1887) — французский скрипичный мастер.

1.3

Квартет «Маджоре» собирается на репетицию в нашем обычном месте, маленьком двухэтажном домике Эллен.

Эллен готовит кофе. Нас пока двое. Послеполуденное солнце проникает внутрь. Бархатный женский голос поет Коула Портера. Перед простым сосновым книжным шкафом — четыре темно-синих кресла без подлокотников, стоящие полукругом. Альтовый футляр и пара пюпитров остаются в углу общего пространства кухни-салона-столовой.

— Одну? Две? — спрашивает Эллен. — Все время забываю. Интересно почему? Обычно такое не забываешь, когда все время имеешь дело с чьими-то кофейными привычками. Но ведь у тебя нет привычек насчет сахара? Иногда ты пьешь вообще без. О, меня вчера о тебе спрашивали. Николас Спейр. Ужасный человек, и чем язвительнее он пишет, тем больше его читают. Попробуй его убедить написать про нас. Я уверена, он к тебе неравнодушен. Он каждый раз хмурится, когда я тебя упоминаю.

— Спасибо, Эллен. Только этого мне и не хватает.

— Безусловно, вот и мне тоже.

— Никаких влюбленностей в коллег.

— Ну ты все же не настолько неотразим.

— Мм... что новенького по части садоводства?

— Сейчас ноябрь, Майкл, — говорит Эллен. — И вообще, садоводство мне надоело. Вот твой кофе. Как тебе мои волосы?

Эллен — рыжая, и ее прическа меняется каждый год. В этом году у Эллен завитки в тщательном беспорядке. Я одобрительно киваю и сосредотачиваюсь на кофе.

Звонок в дверь. Это Пирс, ее старший брат, наша первая скрипка.

Он входит, слегка пригибая голову. Целует сестру, которая всего на пару дюймов ниже, здоровается со мной, снимает свое элегантно потрепанное пальто, достает скрипку и бормочет:

— Ты не могла бы это выключить? Я пытаюсь настроиться.

— Ну еще немножко — пусть доиграет до конца дорожки, — говорит Эллен.

Тогда Пирс сам выключает проигрыватель. Эллен молчит. Пирс привык добиваться своего.

— Где, черт возьми, Билли? — спрашивает он. — Вечно опаздывает. Он звонил?

Эллен отрицательно качает головой:

— Я полагаю, так всегда бывает, когда живешь в Лоутене, или Лейтоне, или где там еще.

— В Лейтонстоуне, — говорю я.

— Ах, ну да, конечно, — говорит Эллен, изображая озабоченность.

Слово «Лондон» для нее означает только самый центр города. Мы все, кроме Билли, живем более или менее в центре, внутри или возле Бейсуотера, недалеко от Гайд-парка и Кенсингтонских садов, хотя и в очень разных условиях. Пирс обитает в подвальной студии, и, когда оказывается у Эллен, этот контраст его раздражает.

Чуть погодя Эллен аккуратно спрашивает, как ему понравился вчерашний вечер. Пирс ходил на квартет Стейфа, которым восхищался уже много лет, на целиком бетховенскую программу.

— Да нормально, — бурчит Пирс. — Со Стейфом никогда не знаешь. Вчера они напирала на красоту звука —

сплошное самолюбование. И что-то мне все меньше нравится лицо первой скрипки: каждый год оно все более и более скукоженное. Доиграв *Grosse Fuge*¹, они вскочили так, будто только что убили льва. Публика, конечно, посходила с ума... Эрика звонила?

— Нет... Так что? Тебе не понравился концерт?

— Я этого не сказал. Где этот чертов Билли? Надо у него отбирать по шоколадному печенью за каждую минуту опоздания. — Настроившись, Пирс играет быстрое пиццикато четвертьтонами.

— Что это было? — спрашивает Эллен, чуть не пролив кофе. — Нет-нет-нет, не надо это снова играть.

— Попытка композиции в стиле Билли.

— Ну, это нечестно, — говорит Эллен.

Пирс улыбается какой-то нехорошей полуулыбкой:

— Билли еще зелен. Однажды, лет через двадцать, он превратится в настоящего монстра, напишет нечто скрежещуще-жуткое для Ковент-Гардена — ежели таковой по-прежнему будет существовать — и проснется сэром Уильямом Катлером.

Эллен смеется, но тут же останавливается.

— Ну-ну, не будем говорить гадости друг у друга за спиной, — говорит она.

— Я немного беспокоюсь, — продолжает Пирс. — Билли слишком часто говорит о том, над чем он работает. — Пирс поворачивается ко мне за поддержкой.

— Он что, попросил, чтобы мы сыграли что-то из его сочинений? — спрашиваю я.

— Нет. Пока нет. Еще нет. Просто предчувствие.

— Почему бы нам не подождать, пока не попросит? — предлагаю я.

— Я против, — медленно говорит Эллен. — Будет ужасно, если нам не понравится... я имею в виду, что, если это будет звучать как сейчас у Пирса?

---

¹ Большая фуга (нем.).

Пирс опять улыбается, причем довольно неприятно.

— Ну я не вижу особого вреда, если мы один раз это прочтем, — говорю я.

— А что, если кому-то из нас понравится, а кому-то — нет? — спрашивает Эллен. — Квартет — это квартет. Это может испортить отношения. И конечно, это будет еще хуже, чем все время недовольный Билли. Вот и все.

— Элленская логика, — говорит Пирс.

— Но мне нравится Билли... — начинает Эллен.

— Нам тоже, — прерывает Пирс. — Мы все друг друга любим, это не обсуждается. Но в этом вопросе мы втроем должны продумать нашу точку зрения — нашу общую точку зрения — четко, до того как Билли нам представит четвертого Разумовского¹.

В этот момент появляется Билли, и мы прекращаем разговор. Он устало втаскивает свою виолончель, просит прощения, радуется, когда видит свои любимые шоколадные печенья, заготовленные внимательной к нему Эллен, проглатывает несколько, с благодарностью берет кофе, опять просит прощения и начинает настраиваться.

— Лидия взяла машину — зубной врач. Дикая спешка — чуть не забыл ноты Брамса. На Центральной линии — кошмар. — Пот блестит на его лбу, он тяжело дышит. — Виноват. Виноват. Виноват. Я никогда больше не опоздаю. Никогда-никогда.

— Возьми еще печенья, Билли, — ласково говорит Эллен.

— Заведи себе мобильник, Билли, — говорит Пирс лениво-безапелляционным тоном начальника.

— Зачем? — спрашивает Билли. — С какой стати? Почему я должен завести мобильник? Я не сутенер и не водопроводчик.

---

¹ «Русские квартеты» Л. ван Бетховена — три новаторских квартета *op. 59*, написанные по заказу графа Разумовского, русского посла в Вене.

Пирс качает головой и пропускает это мимо ушей. Билли слишком толст и всегда будет таким. Он всегда будет тревожиться из-за семьи и денежных проблем, страховки на машину и композиторства. Несмотря на все наше недовольство и осуждение, он никогда не будет приходить вовремя. Но в миг, когда смычок его касается струн, Билли преображается. Он замечательный виолончелист, светлый и глубокий, — основа нашей гармонии, твердыня, на которой мы покоимся.

Сет В.

С 33 Лишь одна музыка : роман / Викрам Сет ; пер. с англ. О. Кравченко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 608 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-25442-8

Современный классик Викрам Сет — настоящий гражданин мира. Родился в Индии, учился в Оксфорде, а также в Стэнфордском университете в Калифорнии, где вместо диссертации по экономике написал свой первый роман «Золотые Ворота» об американских яппи — и это был роман в стихах; более того, от начала до конца написанный онегинской строфой. Затем через много лет работы Сет опубликовал эпопею «Достойный жених», рекордную по многим показателям: самый длинный в истории английской литературы роман, какой удавалось опубликовать одним томом; переводы на три десятка языков и всемирный тираж, достигший 26 миллионов экземпляров. А за «Достойным женихом» опять последовал шаг в самом неожиданном направлении — «Лишь одна музыка»: «повествование высочайшего эмоционального накала» (*Economist*), «лучший посвященный музыке роман во всей английской литературе» (*Daily Telegraph*), «подлинный шедевр» (*Daily Mail*). Итак, однажды скрипач Майкл Холм, участник успешного квартета «Маджоре», встречает в лондонском автобусе свою старую любовь, пианистку Джулию Макниколл — и прежняя страсть вспыхивает с новой силой. Музыка то сводит их, то разъединяет, но Джулия скрывает тайну, которая перевернет вверх дном весь их мир...

«История любви, полная саспенса, трагических секретов и драгоценно-мигомлетных встреч на венских поездах и венецианских каналах» (*USA Today*).

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)+84(5Инд)-44

ВИКРАМ СЕТ

ЛИШЬ ОДНА МУЗЫКА

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Елена Калявина

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Ирина Игнатьева, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.08.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 6000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-34432-01-R